

Судьба словесности – судьба народа.

Русская литература – одна из величайших литератур мира, а может, и самая великая. Здесь излишни “фигуры скромности”. Ответы на главные экзистенциальные вопросы, конечно, дают по-своему и китайцы, и американцы, и немцы... Но только русская литература за тысячелетие своего существования искала (и находила) ответы, универсальные для всего человечества. Человек – существо метафизическое, а не “материальная скотина”, о чём просил задуматься ещё Николай Гоголь. Так и народ. Нет народов “совершенно святых” и “повально грешных”. Но есть у нас вектор Духа, стремление к святости, к благородной христианской жертвенности, возникающей из боли за судьбы всего мира, человечества. В этом планетарное, непреходящее значение русской литературы... Парадоксален поиск святости (может, названной иначе) даже под красными знаменами (вспомним Блока, Клюева, Горького...), да и под знаменами любыми, в разные эпохи и в разных ситуациях... Универсальная “общеспасительность” главных русских литературных идей очевидна любому вдумчивому читателю.

Русскую литературу можно не знать. Заставить не знать... Можно объявить чужеродной, устаревшей, умершей – мало ли!.. Но когда от неё пытаются сознательно отречься “вожди слепые” и так называемая “элита” народа, бывшего веками в генетическом, социальном, культурном родстве с Россией, – это грозит не русской литературе. (Даже в самой долгосрочной перспективе, думается, ей вообще мало что грозит. Русь, Россия, русская культура обладают непреодолимым зарядом рационально необъяснимого “самовоскрешения”.) Пусть везде будут чахнуть исключительно в социальных сетях, хоть до Сахары и джунглей, а здесь будут читать. Так сложатся условия, придут нужные люди в нужное время. И вспомнят “рождение свыше” – от Духа.

Говоря об отречении от общерусского корня, имею в виду мою бедную Украину... Понадобилось почти четверть века, чтобы хоть немногие начали понимать: а ведь никакой Украины с 1991-го года... никто не строил. Подтверждение тому – катастрофический системный упадок бывшей УССР вместо ожидаемого “еврорая” и расцвета всех сфер национальной жизни. Строилась прозападная анти-Россия! Строилась то мягче, то жёстче, то с одними декорациями, то с другими. И, наконец, “разбуждали державу”: в плане

политическом получило совершенно идеологическое, колониальное образование; в плане культурном наступил пик деградации (раздувшийся массив мифотворчества о “в друбности” от общерусского цивилизационного материка культуры нельзя считать); в плане социальном – бесчеловечный грабёж народа...

“Отвалившись” от своего русского, восточнославянского начала, украинская литература пришла к пределу своей деградации и упадка.

Все начиналось при “безобидном” Кравчуке, “коммунисте/националисте”(?!), когда мы (да, мы...) ожидали пряников и леденцов “незалежност”, когда стар и млад в счастливом упоении евроатлантической пропагандой решили: вот поделимся – и заживём! Украину без преувеличения можно было назвать самой цветущей республикой СССР. Да только у западного змия “логика” и “правда” свои, на собственное лекало. И реализацию продумали соответственно... Именно в тот период, в ранние 90-е, появляются новые программы для школ, причём даже в нескольких вариантах: возвращаются десятки имён литераторов репрессированных, диаспорных, забытых, прежде запрещённых... Вот только критерием становится не декларируемая художественность вместо идеологии, а, преимущественно, пещерная русофобия. (Мы не говорим, естественно, о таких талантах, как Евгений Маланюк, Александр Олесь, Мыкола Хвилёвый...) Возносились на щит все, кто просто-напросто лишь ненавидел и “клеил” Россию в любом изводе – царском, советском... да и “просто Россию”. А главный троянский конь был тогда замечен немногими: ПРОИЗВЕДЕНИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ШКОЛЬНИКИ НАЧАЛИ ИЗУЧАТЬ В КОРПУСЕ ЛИТЕРАТУРЫ ЗАРУБЕЖНОЙ.

И вот школьники выросли...

Как говорится, не хотелось бы о личном. Но я никогда не смогу принять русскую литературу как зарубежную. Это передал и троим своим детям. Это передаю студентам. Дико для меня, окончившего в 1987 году русскую школу в украинском городе Чернигове, от которого три часа до границы (тогда еще административной) с Российской Федерацией, – воспринимать Пушкина, Достоевского и Чехова в одной обложке с Шиллером, Гюго и Ремарком!

“Две большие разницы”, – как говорят в Одессе. Как русская литература может стать для нас зарубежной?!

Школу, да, я заканчивал русскую. Других тогда в Чернигове не было. Но, позволять сказать, весь Чернигов и не горел желанием перейти на украинский. Есть культурно-языковые особенности каждого региона. Зато функционировало областное литобъединение, где абсолютно равноправно и равноуважительно, что ли, сосуществовали разновозрастные авторы русских и украинских произведений. Кстати, объединение называлось “Солнечные кларнеты” – словами украинского классика Павла Тычины, которому принадлежит, среди прочего, и гениальное стихотворение “Чувство семьи единой...” (“Чуття єдиної рідини”). Хотел я, горящий любовью к родному слову старшеклассник, приходить в вышиванке на эти собрания – и приходил. Никто не запрещал. Как и писать на украинском. А сейчас я её ни за что не надену. Из принципа! Такие панове стали вышиванки носить...

Да, конечно, не умолчим о перекосах. Последнюю украинскую школу (которую, кстати, заканчивал мой старший брат) в Чернигове закрыли где-то в середине 80-х из-за отсутствия желающих. Да, можно долго говорить о русификаторской политике Российской империи и Советского Союза. За 24 года колониального “Юкрейна” “щирые патриоты” составили целый свод запретительных актов относительно украинского языка – от XVII века и чуть ли не до ранных горбачёвских указов.

Когда в Киеве кипели жёлто-синие студенческие революции рубежа 80–90-х, Чернигов, находящийся по соседству, глубоко дремал. (После злощастного Майдана, кажется, даже он хотел перещеголять чуть ли не Галичину ненавистью к свергнутому Ленину жёлто-синей раскраской всего, что было можно раскрасить, и полуязыческим почитанием так называемой “небесной сотни” – бедных людей, большинство которых было жертвами, а насчёт происхождения и роли остальной части решительно ничего не ясно). Опять же вспоминаю, как в 1989 году, будучи, что неудивительно, симпатиком сего престранного спектакля “борьбы за независимость”, оказался там на местном “руховском” митинге. Ну, если 24 августа 1991 коммунисты Верховной Рады единогласно под вечер стали националистами, то ясно, что далеко заранее,

по разнарядке из столицы, сами черниговские компартийцы собирали митинги... против себя. Я навсегда запомнил фразу ветерана-фронтовика, которому чудом удалось выбить себе слово на том (признаюсь, довольно жиденьком, но крикливом) сборище: “Мне не по душе эти жёлто-голубые флаги, которые я видел на фашистской коммандатуре в своём родном городе”. Литература — зеркало жизни? Да, зеркало. Только сейчас в Московском университете я могу напомнить студентам деталь из рассказа “На колючей проволоке” моего всемирно известного земляка, писателя и режиссёра Александра Довженко, что повязка на рукаве полицака Максима Заброды, которого победит пленный партизан Петро Чабан, — жёлто-синего цвета. Великий Довженко, творец нового киноязыка, которого другой известный украинский классик Максим Рыльский назвал “золотым мостом” между двумя нашими народами, не шёл против правды... Даже когда приходилось возражать Сталину...

Что делать сейчас на Украине гуманитариям с “неудобными” взглядами и суждениями? Трагическая судьба постигла киевского писателя, журналиста, историка Александра (Олеся) Бузину. Он погиб, как солдат, расстрелянный возле своего дома экстремистами (кстати, виновных ищут до сих пор...) Если смерть может быть “хорошей” — хорошая смерть потомка казаков. Казацкая. Вечная память...

А теперь я обращаюсь к подтеме сопутствующей. К научному общению с украинским и российским студенчеством. Преподавая почти два десятилетия в Киевском университете, я неизменно ставил вопрос (до самого “евромайдана” — худо-бедно, но можно было его ставить): “Так что же мы изучаем в школе и вузе за 400 лет, если Россия только угнетала и запрещала украинское слово?” Кто молчал, кто спорил, кто задумывался... Россия (хоть это ужасно, невыносимо признать постмайданным доктринам) была и нацие-, и культурообразующим фактором для Украины. Выступала гарантом её существования в политическом пространстве — скажем для начала. Это было взаимовыгодное со-творчество. XX век украинской советской литературы — это вершинные её достижения. Конечно, нужно разделять, где “кесарево”, где — Божие.

Но многие ли учителя и преподаватели современной Украины расскажут о том, как замечательный украинский новеллист Григор Тютюнник помчался на похороны Василия Шукшина, которого считал своим учителем в литературе, и привёз ему гроздь калины? Многие ли вспомнят о том, что один из самых глубоких украинских поэтов XX века — Василь Стус — провёл последние недели жизни в тюремной камере с россиянином Леонидом Бородиним, православным монархистом?.. Куда исчезли интеллигентность, чувство братского плеча и творческая дружба, генерировавшая великие явления в диалектике единств и отличий?

Я как-то говорил с одной московской журналисткой, знающей лично украинских шестидесятников. После злополучного и рекордно разрушительного “евромайдана” она печально спрашивала: “Как могла случиться такая страшная перемена с украинскими поэтами? Их переводили, их любили, читали... Когда литераторов “били” в Киеве, их привечала Москва. Как можно опуститься до такого уровня ненависти?..”

Да, метаморфозы произошли удивительные. Один из ранних шестидесятников — Дмитрий Павлычко, “...сын простого лесоруба, / гуцула из карпатских гор...” — примечательный, колоритный поэт. Да, дальше в этом стихотворении лилась пламенная поэтическая речь о том, как юноше с Западной Украины засветилась доля “сиянием кремлёвских звёзд”. Никто не судит за это: каждое явление следует рассматривать в контексте его времени. Поэт пламенный, афористичный, песенный... А что же на склоне творческой биографии? Газетная, блёклая стихопублицистика об “агрессии Кремля”, проклятия милицескому спецназу “Беркут”, оды майдану, апология (трудно поверить!) — Юлии Тимошенко. Сказать правду — более печально, чем смешно. Превращения и впрямь необъяснимые.

Ладно бы стала Украина за четверть века землёй, “текущей молоком и мёдом”, в том числе и в культурном плане. Но полстолетия нет экранизаций даже о Шевченко — после шедевров “проклятого советского прошлого”. В этом Россия виновата? Или её “зарубежная” литература?!

Вспоминаю выступление Евгения Евтушенко в 2008 году в Институте филологии Киевского университета имени Тараса Шевченко. Университету он подписал (как составитель) литературную антологию “Десять веков русской

поэзии” с пожеланием, “чтобы наши культуры всегда были в истории не враждующими, а взаимоподдерживающими и взаимообогащающими”. Дай-то Бог! Тепло он отзывался о своих киевских товарищах по поколению: “... Я хорошо знал, например, Ваню Драча... и Микола Винграновский, и молодой Коротич – они живут до сих пор во мне... я очень люблю стихи Лины Костенко, мы с ней вместе учились... величие духа у неё есть... вокруг неё есть аура настоящей поэзии, вокруг Лины Костенко” ... Да, у Лины Васильевны есть чудесные строки, не требующие перевода для русского читателя (что отмечал и рецензент её дипломного сборника “Лучи земли” в московском Литературном институте Всеволод Иванов):

*Найрідніше моє Підмосков'я,
я сходила твої гаї.
Там зустріла свою любов я,
не тайла від тебе її.*

Лина Костенко, как и другие украинские шестидесятники, – потрясающая поэтесса.

Но непонятно, зачем украинскому писателю ненавидеть Россию, чтобы любить Украину? Что за странная составляющая украинского патриотизма или того, что им принято ныне считать? Мол, “российская демократия заканчивается там, где начинается украинский вопрос”... Решительно то же самое можно сказать и в обратном измерении: вся украинско-российская дружба заканчивается там, где начинается миф о нерусской Украине. Соответственно и о “нерусско-украинской” культуре и литературе. “В эту закладку” (после 1991-го) лжеукраинский симулякр затянулся. Пока не достиг апогея: чёрные дни февральского переворота 2014 года породили “украинскую ночь” – не тихую, не звёздную... Безрадостную, мрачную, слепо-бесперспективную.

Националисты, как известно, рано или поздно начинают войну со своим же народом, с его культурой. И тогда появляются “чужаки” среди своих. “Неправильные” люди и регионы... Как Донбасс, например, так и не “доросший” до понимания “позитивов” бандеровщины. Родом с донецкой земли – известный лирик XIX века Михайло Петренко (автор пронзительного романса “Дивлюсь я на небо”); кстати, этот романс, как и народные украинские, русские песни, арии классических опер исполнял на сценах всего мира тоже сын шахтёрского края, Анатолий Соловьяненко, талантливейший тенор, “соловейко Украины”, завершивший жизнь с нищенской пенсией “незалежной неньки” (мачехи?!) в конце 90-х; выпускником университета в Донецке (Сталино) был упомянутый поэт-диссидент Василь Стус... Всё весьма тесно переплелось... А ныне раскалывается, рвётся – по живому.

Невесело, что Лина Васильевна Костенко, столько пройдя улицами нечужой тогда культурной Москвы и лирическими тропами Подмосковья, в 90-х написала (от имени Богдана Хмельницкого):

*Ні, Ганно, ні! Аби лиш не з Москвою.
Хай Україну чаша ця мине.
Вже краще з турком, ляхом, із Литвою,
бо ті сплюндрують, а вона ковтне.*

Удивительно, право. Что за открытия?... Да, Россия – империя, Россия – СССР не были земным раем, но в них, как известно, не исчез ни один народ, ни один язык...

Как человек, родившийся не “с планшетом в руках”, старомодно снимаю с полки книги для работы... Вот “Братство культур” – монументальный том (экспонат, считайте!..), изданный в 1954 году к 300-летию воссоединения Украины с Россией (если бы не выбор гетмана Богдана с единомышленниками, за который его теперь клеймят националисты, боюсь, не было бы уже никакой Украины, ни украинской культуры – не уцелели бы они в адском пламени беспощадной западной экспансии...) Чего стоят только страницы издания, посвящённые дружбе Максима Горького и Михаила Коцюбинского: “Человечность, красота, народ, Украина – любимые темы бесед Коцюбинского, они всегда с ним...” (Статья Алексея Максимовича так и называется – “Коцюбин-

ский”)... Листа сборник Василия Стуса “Палимпсесты” с циклом “Треносы Чернышевского”. Каждый ли учитель современной украинской школы объяснит, кто, собственно, эта внутренне родная Стусу культурная и общественная фигура России?... Патриот Стус – и “москаль Чернышевский”?.. Да ещё социалист! А Стус хотел быть в юности “похожим на Павку Корчагина... так же помогать людям” – это из дневников поэта. Какой ужас! (Хотя комсомолец Николай Островский, “бацько” Корчагина из “Как закалялась сталь”, – земляк! Уроженец Шепетовки! Ну, совсем запутаешься, освобождая украинскую словесность из “кацапского яра”...) Впрочем, когда неучёным вполне “дозволено” (да и зачем кавычки?!) возвращать неучёных, когда главное – “идейная выдержанность”, то просто-напросто включая русофобский словомёт, а остальные критерии – на зном месте... Исчезают напрочь объективность суждений, интеллигентность, искренний культурный интернационализм, остаётся оголтелый, фальшиво-пафосный националистический фарс...

Да, а вот молодёжи России зачастую сложно воспринять эту странную Украину как родную (причём в мире, где юному поколению лукаво преподносят в качестве бытийной доминанты экономическую целесообразность). Легче всего сказать: “Скатертью вам, хохлы, и рушником дорога, если вы такие!..” Каждому своё, мол, и нечего голову ломать. Каждый своей дорогой.

Но мы же были едины!.. В бедах и победах... В страданиях, ошибках и триумфах... В стремлении жить и творить.

“Перемагать и жить!” (по словам Тычины)...

Вот книга Александра Сизоненко, более чем 90-летнего участника штурма Берлина, – “Валькирии не прилетят”. В начале её опубликованы письма-отзывы побратимов-фронтовиков. Юрий Бондарев пишет: “Тебе же я скажу солдатское и писательское “спасибо” за твой талант, духовную чистоту, чистую память, великое солдатское сотоварищество... Мы с тобой, Саша, жили, воевали и умирали рядом с людьми, уже неповторимыми... “На Фридрихштрассе мы положили весь полк” – эту фразу я не мог читать без слёз, как и многие места из твоих глав. 24 марта 2011 г. Чистосердечно обнимаю тебя. Твой Юрий Бондарев”

Вот говорит ко мне, обращается и к русским читателям “сквозь годы и расстояния” встретивший 80-летний юбилей украинский шестидесятник Борис Олейник (поэма “Трубит Трубеж”, а Трубеж – это ещё “летописно-житийная”, со времён Бориса и Глеба, речка на Киевщине возле Переяслава, где в январе 1654 года казаки и селяне Украины на векопомной Переяславской Раде дали присягу православному Русскому престолу):

*Но в полночь, на двенадцатом ударе,
Встает трубач, в забвение трубя:
“Коль прошлое ты продал на базаре —
Ты будущее продал и себя”...*

Грозные слова. И думается: всё же были, есть и всегда будут люди, художники, творцы, отвергающие торг лукавого мира сего, не продавшие ни себя, ни Слово, ни многовековое и единокровное, закалённое битвами и скреплённое духовными печатями побратимство в Слово! А для него ничего не значат бутафорские валы, рвы и редуты на кордонах-рубежах, ранами исполосовавших тело Родины, которую мы помним. Слово преодолет все заграждения.

ПРАВДА НЕ БЫВАЕТ “ЗАРУБЕЖНОЙ”. Как внутри себя не отгородиться от собственной совести...

И посему есть надежда на возрождение великого Отечества, на будущие (хочется верить, вскоре!) светлые времена многоликой и единой нашей Руси, неразделённого в себе дома процветающих народов и культур.

С окнами, озаряющими планету “светом невечерним”, вечным.